

Лобова В. А.

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск*

**Влияние психосоциальных факторов на благополучие семьи
в этнических популяциях северных регионов**

**The influence of psychosocial factors on family well-being
in ethnic populations of Northern regions**

УДК 316.6

Аннотация. Численность полных семей с высоким уровнем потребления в популяции коренного малочисленного населения Севера в два раза превысила таковую в популяции некоренного населения. Наиболее благополучной социальной группой среди коренных северян является тундровое население, вследствие основных (традиционные промыслы) и дополнительных (социальные льготы) источников дохода. Уровень потребления материальных благ у населения северных регионов находится в прямой зависимости от уровня образования.

Summary. A number of complete families with high consumption level in the population of indigenous people of the North is higher twice than one in the population of nonindigenous people. Among northern aboriginals tundra inhabitants are the most well-to-do social group due to their principal (traditional crafts) and additional (social benefits) sources of revenue. The consumption level of material values among the population of northern regions is in direct relationship with the educational level.

Ключевые слова: семья, психосоциальные факторы, уровень потребления, стресс.

Key words: family, psychosocial factors, consumption level, stress.

Развитие общероссийской семьи определяется не только общемировыми тенденциями, характерными для промышленно развитых стран, но и спецификой переживаемого страной исторического периода. В период, характеризующийся неустойчивой стабильностью общественных отношений, именно семья способна цементировать и поддерживать эти отношения, поскольку семейно-брачные отношения можно отнести к числу наиболее устойчивых общественных образований.

Среди наиболее значимых функций семьи социологи выделяют воспроизводство потомства, производства и потребления, поддержание и воспроизводство социально-психологического и нравственно-этического потенциала общества, управление поведением личности, групп и др. [1, 2]. В связи с этим, стабилизация и развитие социального института семьи является приоритетной задачей в области политической жизни каждого региона. Вместе с тем, в настоящий период среди многообразных и крайне острых проблем, формирующих политику в области семейно-брачных отношений, социологи выделяют два основных фактора:

- 1) увеличение малодетности семьи (доля однопородных семей достигает 31,0% от общего числа семей, с двумя детьми – 21,4%, а многодетные семьи составляют – 5,3%);
- 2) активный рост относительного и абсолютного числа неполных семей (к началу нового столетия их насчитывалось около 5,2 млн., из которых 98,0% составляли семьи, состоящие из матери и одного ребенка).

Среди особенностей жизнедеятельности семей северных регионов социологи выделяют жесткую зависимость уровня жизни подавляющей части семей от экономического благополучия и социальной политики добывающих отраслей [3]. Однако за последние десятилетия интенсивное развитие добывающей промышленности на Севере привело к масштабным миграционным процессам, появлению большого количества городов, стремительному росту иноэтнического населения. Период перестройки также сопровождался резким обострением

социально-экономических проблем, как среди некоренного, так и коренного малочисленного населения Севера [4, 5, 6, 7].

Семейная политика в северных регионах составляет сердцевину и основную часть общей социальной политики, поскольку институт семьи охватывает подавляющую часть населения (90-95%) [8, 9]. Характерной чертой развития семейно-брачных отношений на Севере является специфика социально-демографической структуры и движение населения этого края. Среди важных показателей социально-демографической структуры населения северных регионов можно выделить следующие аспекты:

- 1) подавляющая доля населения – мигранты или некоренное население;
- 2) преобладание молодежи (средний возраст жителей северных районов составляет 28-29 лет);
- 3) высокий удельный вес детей и подростков, с одной стороны, и незначительная доля лиц старшего (пенсионного) возраста – с другой.

Все это создает объективные трудности в области функционирования семьи, в частности, воспитания детей, а также в сфере преемственности поколений и, в конечном итоге, влияет на психологическое благополучие всех ее членов. В то же время благополучие семьи является источником процветания как отдельного региона, так и всего государства, в целом. Однако в последнее время многие социологи и общественные деятели указывают на кризис института современной семьи [3, 4, 10]. Выделяют целый ряд факторов, определяющих семейное неблагополучие:

- 1) снижение жизненного уровня и уровня потребления, низкие доходы семьи, ухудшение условий содержания детей;
- 2) структурные изменения в семьях, среди них увеличение численности неполных семей, а также детей, рожденных вне брака матерями-одиночками или несовершеннолетними матерями;
- 3) падение нравственных устоев семьи, алкоголизм и наркомания родителей, пренебрежение интересами и потребностями всех членов семьи;
- 4) неблагоприятный эмоциональный фон в семьях, высокий уровень конфликтности в отношениях между взрослыми членами семьи и в детско-родительских отношениях, отсутствие или недостаток доверительного общения.

В связи с вышеизложенным, целью исследования явилось изучение влияния психосоциальных факторов (уровня потребления, образования и условий жизни) на благополучие семьи в этнических популяциях северных регионов. В исследовании приняли участие 317 жителей северного региона, в том числе 106 (33,4%) ненцев, работающих в сфере традиционных промыслов, и 211 (66,7%) славян, работающих в сфере газо- и нефтедобычи. Исследование проводилось в январе 2011 года. Использованы медико-социологические анкеты и личностные опросники (шкала стресса Reeder-Гохштаутас, 1986). Уровень потребления (УП) в семьях определялся по классификации, предложенной Павловым Б. С. и соавт. [10]:

- 1) семьи, обеспеченные во всем (высокий УП);
- 2) семьи, живущие в среднем достатке (средний УП);
- 3) семьи, живущие на грани бедности (низкий УП).

Согласно предложенной классификации, респонденты с низким УП отвечали, что средств им хватает только на еду, либо на еду и одежду. Респонденты со средним УП фиксировали в своих ответах, что средств им хватает также на покупку мебели, на аудио-видео аппаратуру и бытовую технику. В то же время респонденты с высоким УП отвечали, что в средствах ничем не ограничены.

При анализе полученных данных к полным семьям нами были отнесены все брачные пары, включая бездетные семьи и семьи с отчимом или мачехой. К неполным семьям, в свою очередь, были отнесены семьи одинокой матери или отца с детьми, включая совершеннолетних. К неполным семьям были отнесены и такие, в которых проживают родители и/или родственники одинокой матери или отца. Неполной также считалась семья, если старшее поколение было представлено супружеской парой (бабушка и дедушка), с которой проживает овдовевшая, разведенная или никогда не бывшая замужем дочь и ее ребенок (дети).

Неполными считались семьи, в которых дети живут с дедушкой и/или бабушкой, но без отца и матери, поскольку их родители развелись, а мать затем либо умерла, либо была лишена родительских прав за пьянство и дурное обращение с детьми, после чего старики взяли детей на воспитание. Либо мать нашла себе нового мужа или сожителя, который не пожелал заботиться о ребенке, и она сама отдала ребенка своим родителям. Даже если старшее прародительское поколение было представлено супружеской парой, семья была отнесена к неполной, поскольку среднего, то есть, родительского поколения в ней вообще не было. К неполным были отнесены семьи, в которых дети проживали с дядями, тетями, старшими братьями и сестрами либо другими родственниками. Чаще всего такие семьи также образовались из-за полного распада родительских семей.

В зависимости от такой характеристики, как родственно-поколенная структура, семьи были отнесены либо к типу нуклеарных семей (лат. **nucleus** – «ядро»), либо расширенных. **К нуклеарным семьям** были отнесены семьи, состоящие только из супругов с детьми или без детей или одиноких матерей либо отцов с детьми. Семейным ядром принято считать супружескую пару с детьми или без них (полное семейное ядро) или одинокую мать (отца) с детьми (неполное семейное ядро).

К расширенным семьям были отнесены семьи, в которых кроме членов семейного ядра были еще и другие родственники, например, родители одного из супругов в полных семьях или одинокая мать (отец) в неполных семьях. При наличии детей от предыдущих браков, семьи не считались расширенными, если других старших или боковых родственников в их составе не отмечалось.

В популяции коренного малочисленного населения Севера было опрошено 106 респондентов из числа ненцев, из них в семьях проживали 90 (84,9%) человек, в то время как 16 (15,1%) человек никогда не состояли в брачных отношениях. На период опроса 64 (71,1%) респондента из числа коренных малочисленных народов Севера проживали в полных семьях, 26 (28,9%) респондентов – в неполных.

Нуклеарный тип семьи чаще отмечался в городских семьях (50,0% случаев), тогда как в поселках и в тундре этот показатель оказался существенно ниже (соответственно 29,2 и 7,5%). Численность расширенных семей составила соответственно 50,0% – в городе, 70,8% – в поселке и 92,5% – в тундре. Анализ показал, что максимальный размер расширенной семьи среди опрошенных лиц из популяции некоренного населения Севера составил 9 человек, коренного малочисленного населения Севера – 13 человек.

Полученные данные сравнивались нами с данными, полученными в выборке некоренного населения Севера (211 чел.) Из них в семьях проживали 188 (89,1%) человек, в то время как 23 (10,9%) человека никогда не состояли в брачных отношениях. Численность полных семей в нашей выборке оказалась выше в популяции некоренного, нежели коренного малочисленного населения Севера (соответственно 91,0 и 71,1%). В то же время численность неполных семей из популяции коренного малочисленного населения Севера в 3 раза превысила численность неполных семей из популяции некоренного населения. Заметим, что в нашей выборке в популяции коренного малочисленного населения Севера неполные семьи фиксировались, в основном, как следствие внезапной смерти одного из супругов, при этом средний возраст овдовевших лиц (все оказались женщинами) составил 21 год. В выборке некоренного населения неполные семьи образовались в подавляющем большинстве, вследствие разводов.

Следует отметить, что в настоящий период особую тревогу ученых, социологов, общественных деятелей вызывает тот факт, что для России в целом становится характерной ситуация, когда растет доля детей, которые воспитываются в семьях без одного или обоих родителей. Согласно данным статистики, в городах на такие семьи приходится 26,0% детей, в селах – 17,0%. Самая высокая доля неполных семей, где детей, получающих воспитание в семьях без одного или обоих родителей, имеет место в Москве. Здесь она составляет 34,0%, то есть больше трети от общего числа детей до 18 лет во всех семьях. В Санкт-Петербурге и Чукотском автономном округе эта доля также высока и равна одной трети – 33,0 случаев%. В целом же в 47 из 89 субъектов РФ доля детей, живущих в неполных семьях, составляет от 20,0 до 24,0%.

Данный факт есть свидетельство достаточно серьезной угрозы институту семьи. В частности, анализ динамики УП в этнических популяциях Севера с учетом полноты состава и **родственно-поколенной структуры** семьи показал, что полные семьи оказались более бла-

гополучными, чем неполные, как среди коренного малочисленного населения Севера, так и некоренного населения. Неполные семьи с высоким УП не зафиксированы в нашей выборке ни в одной из этнических групп. В частности, неполных семей с высоким УП в нашей выборке из числа коренного малочисленного населения Севера не оказалось, тогда как полных семей с высоким УП было 7,9%. В выборке некоренного населения неполных семей с высоким УП также выявлено не было, в то время как 3,2% полных семей считают себя высоко обеспеченными людьми (рис. 1).

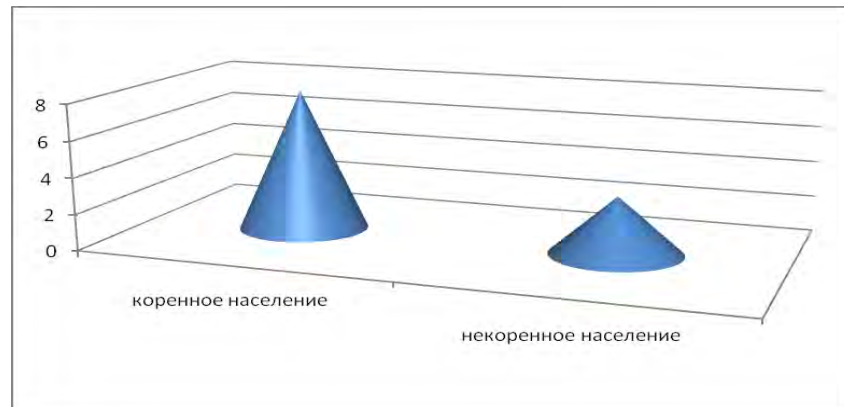

Рис. 1. Распределение полных семей с высоким уровнем потребления у коренного и некоренного населения Севера (%)

Численность полных семей со средним УП в выборке коренного малочисленного населения Севера оказалась незначительно выше, чем численность неполных семей со средним УП (соответственно 34,3 и 30,7% случаев). В то же время численность полных семей со средним УП в выборке некоренного малочисленного населения Севера превысила численность неполных семей по аналогичному показателю (соответственно 50,6 и 41,2%). При сравнении доля лиц со средним УП в популяции некоренного населения оказалась выше, по сравнению с популяцией коренного малочисленного населения, как в полных (соответственно 50,6 и 34,3%), так и в неполных семьях (соответственно 41,2 и 30,7%) (рис. 2).

Найдены различия в показателях УП у кочующих в тундре северян, а также у поселковых и городских жителей. Прослойка среднего класса в урбанизированных поселениях намного меньше, чем среди оленеводов (примерно каждый шестой житель). Эта часть респондентов может позволить себе, помимо еды и одежды, более крупные покупки, например, мебель или бытовую технику. В категорию богатых попали около трех процентов оленеводов. В то же время доля богатых среди тундрового населения составила десять процентов кочевников.

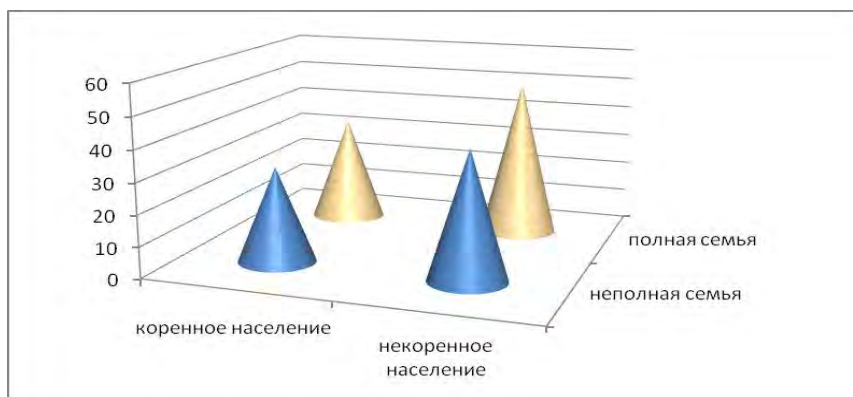

Рис. 2. Распределение типов семей со средним уровнем потребления у коренного и некоренного населения Севера (%)

Крайне низкий УП в популяции коренного малочисленного населения Севера установлен среди поселкового населения. На грани бедности здесь проживает в три раза больше лю-

дей, чем в городе, и в семь раз больше, чем в тундре. Анализ уровня потребления в популяции коренных северян показал неблагоприятную картину у маргинальной социальной группы. Доля жителей, у кого средств хватает только на еду, составила шестую часть опрошенных. Около половины респондентов попали в группу бедняков, ответив, что денег им хватает и на еду, и на одежду.

Анализ данных с учетом состава семьи показал, что доля неполных семей с низким УП в выборке коренного малочисленного населения Севера превышала численность полных семей аналогичной группы (соответственно 69,3 и 57,8% случаев). В то же время, численность неполных семей с низким УП, среди респондентов из популяции некоренного населения, превысила численность полных семей с низким УП (соответственно 58,8 и 46,1%) (рис. 3).

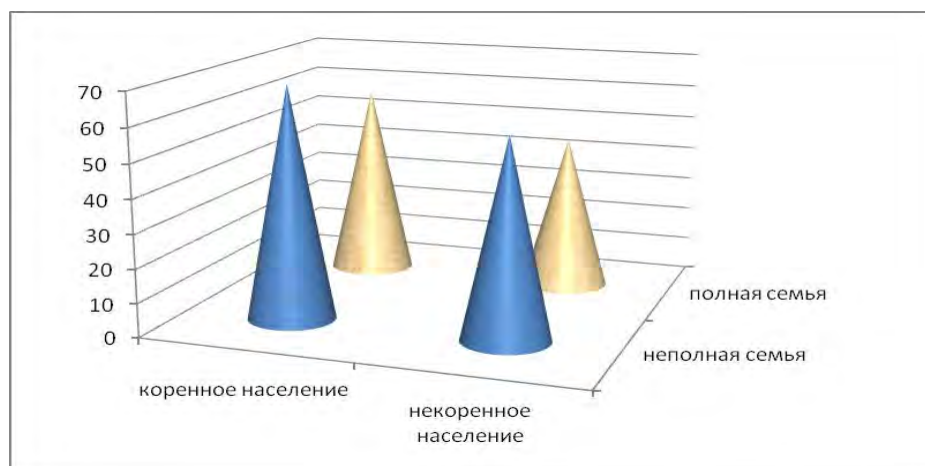

Рис. 3. Распределение типов семей с низким уровнем потребления у коренного и некоренного населения Севера (%)

Сравнительный анализ показал, что в нашей выборке среди коренного малочисленного населения Севера наиболее часто встречающийся тип семьи – расширенный, среди некоренного – нуклеарный. Так, из 77 семей коренного малочисленного населения Севера, участвовавших в опросе, 30 (39,0%) семей было отнесено к нуклеарному типу и 47 (61,0%) – к расширенному типу. В то же время из 188 семей некоренного населения Севера, участвовавших в опросе, было выявлено 166 (88,3%) семей нуклеарного типа и 22 (11,7%) семьи расширенного типа.

Указанные тенденции связаны с тем, что в 52,0% семей родители и представители более старших поколений в целом по России либо совсем не придерживаются народных традиций и обычаев (более 5,0%), либо следуют традициям непостоянно (47,0%). Всё это приводит к тому, что большинство школьников (58,3%) убеждены, что в своей будущей семейной жизни им не обязательно следовать обычаям и традициям своего народа.

Население северных регионов также всерьез обеспокоено вопросами сохранения национальных традиций и обычаев. Согласно полученных данных национальные обряды в популяции коренного населения выполняет полностью только 11,0% жителей. Чуть больше трети респондентов (38,0%) ответили, что они выполняют национальные обряды частично. 28,0% респондентов национальные обряды не выполняет, и примерно такое же число жителей (23,0%) не знает обрядов совсем. Данный факт, безусловно, сказывается на демографических показателях и благополучии семьи в целом.

В нашем исследовании найдены корреляции между семейным положением и такими позитивными факторами удовлетворенности жизнью в целом, как «в моей жизни есть источники радости и поддержки» ($r=0,4$), «моя жизнь стала лучше» ($r=0,3$), «в целом моя жизнь складывается удачно» ($r=0,3$). Получены корреляции между семейным положением и такими условиями жизни в северных регионах, как деньги, доход ($r=0,4$), бытовые условия в районе проживания ($r=0,4$), политическая ситуация в регионе проживания ($r=0,4$), условия труда ($r=0,3$), возможности использования денег ($r=0,3$).

Следует отметить, что в расширенных семьях высокий и средний индекс УП отмечался в 2 раза чаще в выборке респондентов из популяции коренного малочисленного населения Севера, нежели некоренного. Также в нуклеарных семьях высокий индекс УП в 3 раза чаще фиксировался в выборке респондентов коренного населения, по сравнению с некоренным. Вместе с тем, средний индекс УП в нуклеарных семьях в 2 раза чаще фиксировался в выборке респондентов некоренного населения, по сравнению с коренным.

В обеих этнических популяциях Севера удовлетворенность семейной жизнью мужчины отмечают чаще, по сравнению с женщинами [11]. У респондентов из числа коренного населения различия по данному показателю найдены в общей выборке и в возрастных группах двадцатилетних и сорокалетних жителей. У некоренного населения различия по данному признаку обнаружены практически во всех возрастных группах, за исключением двадцатилетнего возраста.

В популяции коренного населения удовлетворенность семейной жизнью чаще всего характеризует жителей среднего возраста (тридцатилетних аборигенов Севера). В то же время в молодом возрасте (у двадцатилетних аборигенов Севера) удовлетворенность семейной жизнью самая низкая. В популяции некоренного населения различия не найдены. В то же время у мужчин чаще всего удовлетворенность семейной жизнью отмечается в тридцатилетнем и пятидесятилетнем возрасте, тогда как в молодом возрасте (у двадцатилетних мигрантов) удовлетворенность семейной жизнью самая низкая (у мигранток тенденция прямо противоположная).

Анализ общей стрессированности коренных жителей показал прямую зависимость высокого стресса (гиперстресса) от уровня потребления (УП). Гиперстресс по результатам опроса выявлен у каждого пятого респондента с низким УП (19,0% случаев). Лица со средним УП имели гиперстресс в 6,7% случаев. У респондентов с высоким УП таких лиц не выявлено. В свою очередь, повышенный стресс выявлен у каждого пятого респондента с высоким и средним УП (соответственно 17,0 и 19,0% обследованных лиц). У респондентов с низким УП повышенный стресс выявлялся у каждого третьего опрошенного (33,0% случаев). Лица с высоким УП достоверно чаще не имели стресса, по сравнению с лицами, имеющими низкий УП ($p < 0,01$). Среди респондентов с низким УП таких лиц оказалось менее половины обследованных (48,0% случаев).

Согласно данным проведенного опроса каждый десятый респондент из числа коренного населения получил высшее образование. Высшее незаконченное образование на момент исследования было у 2,0% респондентов. Почти каждый пятый абориген Севера от общей численности опрошенных жителей из числа коренного населения (18,0%) имел среднее специальное образование, 40,0% респондентов ограничились школьными знаниями (среднее образование). Почти треть коренных жителей (26,0%) не закончили интернат и тем самым на данный момент обладают лишь начальным образованием. Респонденты, которые нигде не обучались, составили 4,0% от общего числа опрошенных аборигенов Севера. Среди некоренного населения практически каждый третий мигрант (27,0%) имел высшее образование, среднее специальное образование получили 40,0% респондентов, средним образованием довольствовались 29,0% опрошенных и 4,0% мигрантов на момент опроса имели высшее незаконченное образование.

Получены данные, согласно которых уровень стрессированности у представителей из числа коренного населения зависит от уровня образования. Так, гиперстресс выявлялся только у лиц со средним и начальным образованием (соответственно 15,0% и 10,0% обследованных лиц). У лиц с высшим и средним специальным образованием в подавляющем большинстве случаев по результатам опроса стресс был низкий (75,0 и 77,0% соответственно). У четверти опрошенных этих групп стресс был средний (25,0 и 23,0% соответственно).

У респондентов, которые не удовлетворены качеством жизни и не имели возможности для полноценного отдыха, в 26,0% случаев обнаруживался повышенный уровень стресса, а в 16,0% случаев фиксировался гиперстресс. Респонденты из числа коренного малочисленного населения Севера, по результатам опроса имевшие возможность отдыхать во время от-

пуска за пределами округа, в курортной зоне России, имели низкую подверженность стрессу (в 70,0% случаев стресс не выявлялся).

Изучено влияние уровня потребления (УП) на самооценку здоровья на Севере. Анализ показал, что подавляющее большинство респондентов оценили состояние своего здоровья как удовлетворительное. Среди них северяне с высоким УП составили 68,9%, средним – 78,8%, низким – 88,2% обследованных лиц. 20,8% лиц с высоким УП оценили состояние своего здоровья как «плохое». Лица со средним и низким УП реже оценивали состояние своего здоровья, как неудовлетворительное (соответственно 9,1 и 11,8%). Среди респондентов, оценивших свое здоровье, как «хорошее», одинаково часто выявлялись лица с высоким и средним уровнем потребления (соответственно 10,3 и 12,1% случаев). Респонденты с высоким УП чаще обращаются к врачу за терапевтической помощью, чем лица со средним и низким УП (соответственно 41,4; 30,3; 35,3%).

Подавляющее число респондентов предъявляли ревматические жалобы, среди них чаще всего обнаруживались лица с низким УП (64,7%). Среди других групп потребителей распределение указанных жалоб было одинаковым (соответственно 51,8% с высоким УП и 51,5% со средним УП). 1/3 всех респондентов предъявляли сердечно-сосудистые жалобы, с их максимальной представленностью в группе с низким УП (38,2%) и минимальной – в группе с высоким УП (20,7%). Лица со средним УП предъявляли сердечно-сосудистые жалобы в 33,0% случаев. Желудочные жалобы чаще предъявляли респонденты с низким, чем со средним и высоким УП (соответственно 38,2; 27,2 и 24,4%).

Выводы

1. Из числа опрошенных респондентов только 10% северян оценивают свое здоровье, как «хорошее». Максимальная интенсивность соматических жалоб обнаруживается у лиц с низким УП. Между УП и самооценкой здоровья выявлена обратная зависимость.
2. Гиперстресс достоверно чаще выявляется у лиц с низким УП. Стрессированность коренных жителей Севера обусловлена уровнем образования и является максимальной у лиц с начальным и средним образованием.
3. Уровень потребления населения в северных регионах регулируется такими психосоциальными факторами, как этническая принадлежность, образование, семья. Самооценка УП в популяции некоренного населения выше, по сравнению с популяцией коренного малочисленного населения Севера.

Литература

1. Северные регионы России: социальные, экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000. 407 с.
2. Товуу Н. О. Психология семьи Тыва этноса в условиях социально-экономических изменений: автореф. докт. психол. наук. М., 2001. 56 с.
3. Семья в Надыме: непростое десятилетие реформ (на примере муниципального образования г. Надым и Надымский район) / М. М. Абдрахманов [и др.]. Екатеринбург-Надым: Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район. Институт экономики УрО РАН. Научно-исследовательский центр «Горизонт-М», 2004.
4. Психология здоровья населения в России / В. В. Гафаров [и др.]. Новосибирск: СО РАМН, 2002. 360 с.
5. Лобова В. А. Социально-психологическая оценка основных факторов стресса в разных этнических группах Крайнего Севера // Вестник университета. М., 2006. № 8 (24). С. 93-97.
6. Лобова В. А. Лонгитюдное исследование основных факторов психосоциального стресса у мигрантов Крайнего Севера с учетом гендерных различий // Вестник университета. М., 2007, № 4 (30), С. 88-91.
7. Лобова В. А., Буганов А. А., Попов А. И. Социальные факторы в генезисе стресса у жителей северного посёлка // Вопросы полярной медицины. 2008. № 2(15). С. 15-21.
8. Социально-психологические факторы риска здоровья коренного малочисленного и пришлого населения Крайнего Севера / В. А. Лобова [и др.] // Сборник Научных трудов ГУ НИИ медицинских проблем Крайнего Севера РАМН за 2007 год. Выпуск 5/ под ред. член-корреспондента РАМН, проф. А. А. Буганова. Тюмень: Сити-пресс, 2008. С. 96-126.

9. Лобова В. А. Гендерные исследования психологического благополучия личности в этнических популяциях Крайнего Севера: интегративный подход // В сб. материалов VI межвузовской (с международным участием) научно-практической интернет-конференции «Гендерные исследования в гуманитарных науках». Йошкар-Ола, 2009. С 132-137.
10. Павлов Б. С., Стожаров А. В., Тарабрина Л. С. Молодежь Крайнего Севера на переломе российских реформ (опыт социологического мониторинга в северном регионе. 1992-2005 гг.). Екатеринбург-Надым, Мэрия муниципального образования г. Надым и Надымский район. Институт экономики УрО РАН. Научно-исследовательский центр «Горизонт-М», 2005.
11. Лобова В. А., Буганов А. А. Ямальская семья в контексте новых условий социально-экономического развития общества // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2007. № 5 (49). С. 62-65.